В.В. Булгаков *(Киев)*

МЕТКИ-ДИПИНТО ВИЗАНТИЙСКИХ АМФОР XI в.

Метки-дипинто византийских амфор – материал известный археологам большей частью по сосудам с дуговидными ручками, распространенными в Северном Причерноморье в XII-XIV вв. Такого рода метки обычно имеют вид широких радиальных полос нанесенных минеральными красителями на плечики сосудов по три на каждую из сторон. Заметное их количество дал комплекс кораблекрушения в Новосветской бухте, хорошо известны они и на других причерноморских объектах. Амфора из кочевнического погребения у с. Столбовое в Джанкойском р-не Крыма на одной из сторон вместо трех полос имеет знак, напоминающий рунический [Панченко, 1999], однако, скорее являющийся геометризованным нанесением греческой Ω. Аналогичный по характеру знак обнаруживается и на фрагментах амфоры из Москвы [Векслер, Коваль, 1998].[1] На древнерусской периферии находки амфор с подобными метками-дипинто ограничиваются пока фрагментами с городища Звягиль (бассейн р. Тетерев), обнаруженными в слое первой пол. XIIIв. (раскопки Б.А. Звиздецкого 1992-93 гг., № 1171, 2440-2444, б/н из комплекса Б4 и слоя Г-2). Известны они и по находкам в самом Киеве (раскопки Т.М. Молчановского, 1936 г. в соборе св. Софии, инв. № СМАА 2624/1-4) До настоящего времени дипинто на амфорах XII-XIII вв. не вызывали видимого интереса у археологов, представительных публикаций материалов их находок пока нет. Можно предположить, что наличие таких дипинто на сосуде способно свидетельствовать о необходимости особого рода маркировки для помещаемых в амфоры продуктов с тем, чтобы их визуальная идентификация была более легкой для перевозчиков торговых грузов. Состав новосветского комплекса [Зеленко, 1999], весьма разнообразный, как кажется, способен свидетельствовать в пользу именно такого предположения. Наиболее вероятный статус таких дипинто – торговые метки, получавшие различную нагрузку в связи с обращением и перевозкой товара. Нельзя исключать также и декоративных нагрузок таких меток – эстетический момент, хотя и не был здесь главным, тем не менее, присутствовал. В этом убеждает вид целых либо сохранивших полный профиль сосудов. Показательно также и то, что большей частью известные к настоящему времени дипинто XII-XIII вв. однообразно анэпиграфичны. Содержательные надписи среди них пока не обнаружены.

Метки-дипинто византийских амфор XI в. представляют явление другого рода. Материал этот археологам практически неизвестен. Весь, весьма обширный, корпус их находок ограничивается константинопольскими обнаружениями 1921-23 и 1933 гг., опубликованными в известной монографии Р. Деманжеля и Е. Мэмбори [Demangel, Mamboury, 1939, p. 150-151, fig. 200, *1-41, 46, 47*, fig. 201, *59-92*].[2] Здесь обращают на себя внимание три важных обстоятельства: 1) метки-дипинто XI в. не встречены вне пределов византийской столицы; 2) практически все они представляют буквенные сокращения и монограммы имен; 3) отмеченные ими сосуды принадлежат к одному типу амфор. Анализ этих обстоятельств предоставляет редкую возможность изучения механизмов контроля рынка византийской столицы по отношению к продукции, поступавшей в амфорах.

Корпус находок составляют 77 дипинто обнаруженные на 75 сосудах. Дипинто нанесены минеральными красками трех разных цветов, что было подчеркнуто при публикации

---

[1] Стремление авторов увидеть в нем буквенную надпись не выглядит обоснованным. Такой интерпретации противоречит как сам формат буквенных знаков, так и привлекаемые аналогии, среди которых нет таких, которые соответствовали бы публикуемой находке хронологически или были нанесены на амфору того же круга, что и обнаруженная на Манежной площади. Характерно здесь и преувеличенное отношение к обнаруженному дипинто, — так, согласно А.Г. Векслеру, находка стенки этой амфоры «подчеркивает не рядовой характер раннего поселения» [Векслер, 1998], что является интерпретацией, не подтвержденной качеством контекста. Византийские амфоры — материал, распространенный в слоях древнерусских поселений всех типов и всех географических зон, редкость же находок фрагментов отмеченных минеральными красителями должна объясняться тем, что в торговых обменах такие амфоры далеко не преобладающая категория материала.

[2] Р. Деманжель и Е. Мэмбори сопровождают материал следующим текстом: «En plus des nombreuses traces de doigts ou d'outil, les jarres de Gulhane portent toutes une *marque de fabrique*. Cette marque, peinte en noir ou en rouge, rarement en blanc, imprimee dans l'argile crue avec un timbre, tracee avec le doigt ou gravee a l'outil, est placee soit sur le haut de la panse, soit au bas du col, entre les ansea. En general, le type de jarre n° 1 presente des marques peintes en noir et en rouge; la presque totalite des pieces gravees sont du modele n° 4.».

Рис. 1. Метки-дипинто церкви и монастыря св. Георгия в Манганах

подготовленных М. Мэмбори прорисей – заполнение надписей на подготовленных ею рисунках в основном следует окраске дипинто: 46 амфор имеют метки нанесенные черным красителем (1-32, 46, 59, 60, 65-75), 28 – красным (33-40, 61, 64, 76-92), 1 – белым (47). Отмечен и один смешанный вариант – с красной монограммой и черным надстрочным символом (41) [Demangel, Mamboury, 1939, p. 149]. Находки группируются по двум местонахождениям – церкви и монастыря св. Георгия в Манганах (рис. 1) – 43 надписи, цистерны Нового дворца (рис.2) – 4 надписи. 28 дипинто составили группу разнородных находок (рис. 3).

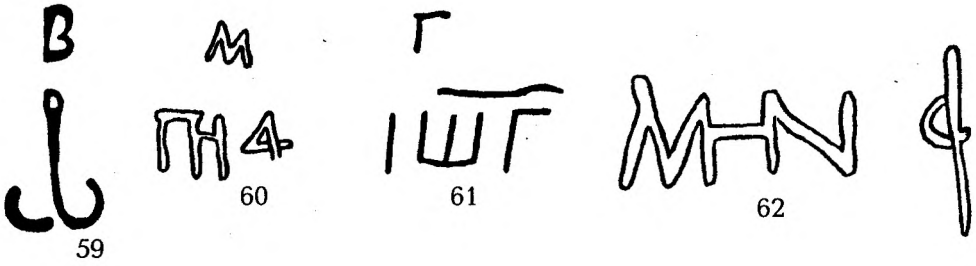

Рис. 2. Метки-дипинто цистерны Нового дворца в Манганах

Манганский дворцовый комплекс датируется IX-XII вв. Приобретенный Василием I (867-886) у патриарха Игнатия [PG, t. 105, col. 540] Новый дворец был разобран в правление Исаака II Ангела (1185-1195). Стратиграфическая дата комплексов обнаружения рассматриваемых материалов определяется временем Константина IX (1042-1055), – все амфорные находки принадлежат второму строительному горизонту, связываемому с реконструкцией и возведением новых дворцовых построек в правление этого императора [Demangel, Mamboury, 1939]. Амфоры использованы в качестве строительного материала в архитектурных конструкциях, что предполагает одномоментное формирование этих комплексов. Хронологическое тождество манганских обнаружений сомнения не вызывает – отдельные дипинто повторяются в материалах обоих комплексов, а также массиве разнородных находок.

62 из обнаруженных дипинто группируются по 17-ти именным основам:

Ἀνδρέας (1) – 26
Βασίλειος (1) – 37
Γρηγορᾶς (1) – 72
Γρηγόριος (2) – 11, 20
Γεωρώργιος (3) – 21, 22, 28
Θεόγνοστος (2) – 35, 89
Ἰωάννης (10) – 9, 12, 15, 24, 25, 26, 27, 30, 47, 61
Ἡσάακιοσ (Ἰσάακιοσ) (1) – 87 (?)
Κονσταντῖνος (1) – 46
Λέον (Λέων) (14) – 5, 36, 38, 68, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 90
Μηνᾶς (4) – 33, 40, 41, 64
Νηκόλαος (Νικόλαος) (2) – 3, 73
Νηκήτας (Νικήτας) (2) – 5, 18
Νικηφόρος (4) – 34, 36, 85, 88
Ῥομανός (Ῥωμανός) (6) – 21, 29, 59, 66, 67, 74
Παχόμιος (1) – 1 (?)
Παῦλος (1) – 14
Πέτρος (2) – 70, 17

Три метки принадлежат к однобуквенным знакам (7, 10, 32), прочтение 14-ти монограмм предполагает более чем два варианта, либо вы-

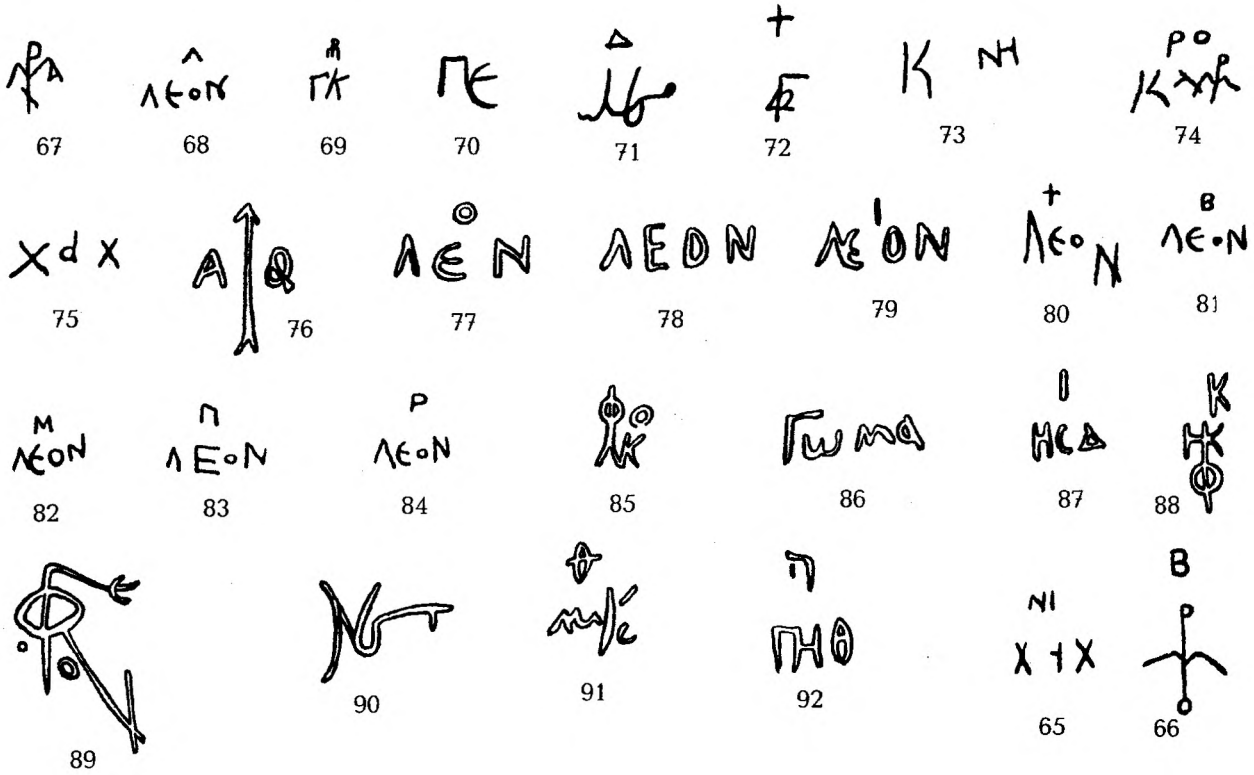

Рис. 3. Метки-дипинто из разнородных местонахождений

зывает затруднения (2, 8, 16, 19, 23, 39, 60, 65, 69, 75, 76, 86, 91, 92). Непрочитанные дипинто восходят к 10-ти именным основам. Для корпуса находок показательно, что лишь одно дипинто (13), как кажется, можно было бы интерпретировать в качестве надписи, характеризующей содержимое амфоры – *καλός*, хороший. Такого рода метки имеют для византийских находок тот же смысл, что и надписи «доброе вино» для русских.

Отмеченные метками-дипинто сосуды XI в. принадлежат к хорошо известному типу грушевидных амфор – *амфорам с воронкообразным горлом*. Эти амфоры выделялись в следующие классификационные группы: *тип XXI* по классификации Херсонесской экспедиции [Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук, 1971, с. 93, рис. 22-23;], *тип 60* по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, p. 75-76, fig. 26,4-5;], *тип II (intermediaire II-III, intermediaire I-III)* по Н. Гюнсенин [Gunsenin, 1990, p. 24-25, 26-28, fig. 13-15], *класс 43* по новой херсонесской классификации [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 68-70, табл. 34,52;], др.

Сосуды начальных типов этой разновидности отличает широкий обратноколоколовидный корпус, приобретающий во второй четверти XI в. небольшой перегиб в нижней части, придающий ему грушевидные очертания. Горло амфор воронкообразное, расширенное в верхней части, с течением времени изменяет профиль венчика от обратно-остевидного и утолщенного, с вертикально удлиненным краем, до остевидно-оттянутого и округленно остевидно-оттянутого, с уплощением воронковидно расширенного завершения горла. Положение уплощенно-овальных в сечении ручек эволюционирует от расположенных низко под воронкообразным оформлением горла, закрепленных примерно на середине его высоты, до значительно возвышающихся над ним, с креплением располагающимся непосредственно под венчиком. Для амфор с воронкообразным горлом обычны две зоны широковыемчатого рифления – в верхней части, на плечиках, непосредственно за технологическим швом, соединяющим горловую часть с корпусом, и в нижней, придонной.

Макроскопическая окраска черепка варьирует от светло-желтых вариантов до красно-коричневых, бурых. Специфически узнаваемый вид фрагментам этих амфор придает их пористая структура. Поры имеют продолговатый вид и ориентированы по линии течения формовочной массы, что должно свидетельствовать о добавлении в ее состав органических веществ. Такого рода добавки повышали пластичность и сокращали интервал спекания глинистых материалов. Петрографические характеристики группы отличаются высоким однообразием. Структура образцов, как правило, отличается плохой сортированностью, изменяется от псефо-псаммо-алевро-пелитовой до алевро-пелитовой. Обломочная составляющая слагается кварцем и плагиоклазом различной формы и в различных пропорциях. Кроме этого для керамического вещества грушевидных амфор характерно присутствие обломков различных магматических, метаморфических, реже — осадочных пород. Они представлены апоплагиогранито-гнейсами, плагиогранитами, серицитовыми микрогнейсами, известняками. Состав цемента изменяется от слюдисто-глинистого со средним содержанием слюд до существенно глинисто-гидроокисно-железистого. Слюды представлены мелкими чешуйками серицита.

Производство амфор с воронкообразным горлом, согласно данным полученным на памятниках причерноморских регионов, а также условиям находок на среднем Дону (Саркел) и Дунае определяется временем ок. середины X – пределами последней четверти XI в. В слоях и комплексах начала XII в. этот тип замещается *амфорами с высокоподнятыми ручками*, представляющими последующую ступень развития сосудов этого круга. Стандарт состава вещества и различие технологических характеристик естественным образом отграничивают грушевидные амфоры от продукции мастерских, обслуживавших рынок Константинополя и производивших сфероемкостные[3] и желтоглиняные сосуды[4].

Рассмотрение условий обнаружения меток-дипинто на грушевидных амфорах акцентирует внимание на весьма важном для их интерпретации обстоятельстве. Важно отметить, что

[3] Тип *1K* [Булгаков, 2000], – имеются ввиду широко известные амфоры таких классификационных групп: *тип I* по Н. Гюнсенин [Gunsenin, 1990, p. 21-24, fig. 4], *типы 47-52* по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, p. 73, fig. 24,1-11], *тип XVI* по херсонесской классификации [Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук, 1971, с. 90], *класс 42* по новой херсонесской классификации [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 66-68, табл. 28,33,51].

[4] Тип *1Y* [Булгаков, 2000], – или *амфоры с плоскосрезанным горлом*, принадлежащие к ранее классификационно не выделявшемуся амфорному материалу. Как «большие желтоглиняные амфоры» они известны А.Л. Якобсону [Якобсон, 1979, с.75]. Помимо Херсонеса их фрагменты, отличающиеся характерной массивностью широких ручек, встречены в Партените, Судаке, Киеве, имеются на Дунае.

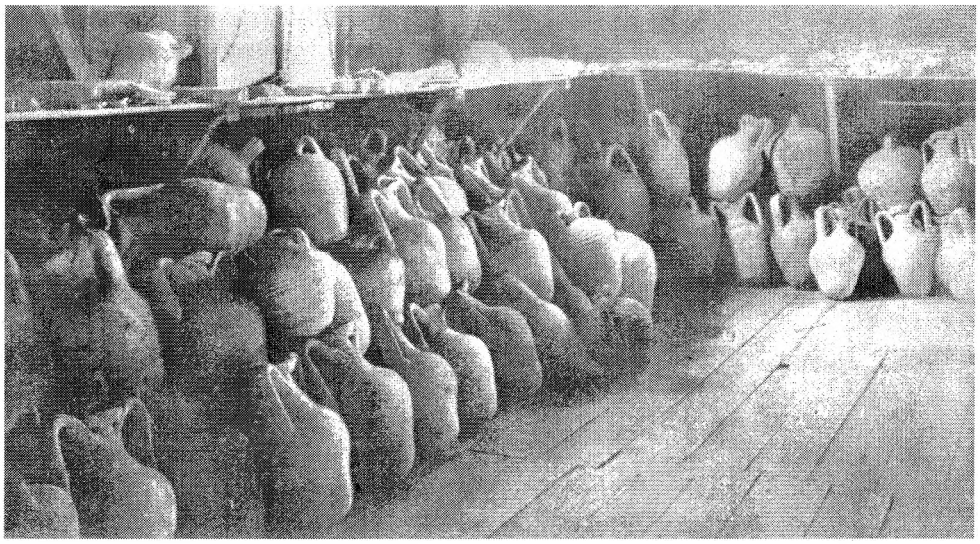

Рис. 4. Амфоры из закрытых комплексов и других обнаружений в квартале Гюльхане, собранные в полевых фондах французской экспедиции 1921-23, 1933 гг. [Demangel, Mamboury, 1939]. Большинство сосудов представлено амфорами с воронкообразным горлом.

в комплексах византийской столицы материал этот выступает подчеркнуто контрастно по отношению к собственно константинопольской продукции – сфероемкостным сосудам. Наряду с составом керамического вещества, эти группы сосудов разнятся также и характером нанесенных на них меток. Если сфероемкостные амфоры, не считая граффито, отмечены единственно клеймами и вовсе не имеют дипинто, то грушевидные сосуды, отмеченные ими, совершенно лишены клейм. Ситуация показательна тем более, что амфоры с воронкообразным горлом составили подавляющее большинство находок – 75% в комплексах обнаружения. На это было обращено внимание публикаторами манганских материалов [Demangel, Mamboury, 1939, p. 149].[5] Такого рода контрастность, абсолютная корреляция клейм и меток с амфорами двух разных производственных центров устанавливают между обеими категориями находок (клейм и дипинто) неслучайную по своему характеру связь. Эта связь предполагает их рассмотрение в качестве явлений с идентичной функциональностью – аналогично клеймению сфероемкостных сосудов, нанесение меток-дипинто на грушевидные амфоры обнаруживает себя в ряду мер контроля рынка византийской столицы.

Очевидно, что в материалах Константинополя эти две группы амфорных находок следуют двум разным моделям поведения. Если в первом случае, ввиду природы клейменого материала, имел место контроль за столичными участниками торговых операций, то во втором, в случае грушевидных амфор, очевидно, что речь следует вести о привозном товаре. Византийская административная практика имеет четкое различение для торговцев, проживающих в городе – *διὰ πόλεος* и вне города – *οἱ ἐξωθικοὶ* [Сюзюмов, 1962, с. 251]. Это положение касалось не только иностранцев, но и иногородних византийских купцов, также не имевших права пребывать в Константинополе свыше 3-х месяцев. Общая экономическая политика была ориентирована на то, чтобы в столицу ввозилось как можно больше товаров и по как можно более низким ценам, а вывозилось как можно меньше. Меры по регулированию рынка были направлены на поддержание низкого уровня цен, ограничение вывоза продуктов из столицы, препятствование созданию дефицита. Местные торговцы получали льготы при покупке товаров у иногородних купцов, в чьем положении не предполагалось никакой юридической разницы между иностранцами и соотечественниками. Протекционизм византийскому экономическому праву был чужд.

Контроль за пребыванием купцов-экзотов возлагался на специальную надзорную службу при ведомстве эпарха, управляемую специальным чиновником – легатарием. О ее важности свидетельствует уже то, что по назначении эпархом легатарий представлялся на утверждение императору. Круг обязанностей

[5] «En general, le type de jarre n° 1 presente des marques peintes en noir et en rouge; la presque totalite des pieces gravees sont du modele n° 4.» – под n° 1 в соответствии с рисунками публикации авторами подразумеваются амфоры с воронкообразным горлом [Demangel, Mamboury, 1939, p. 148, fig. 198,1] , под n° 4 – сфероемкостные [Demangel, Mamboury, 1939, p. 148, fig. 198,4].

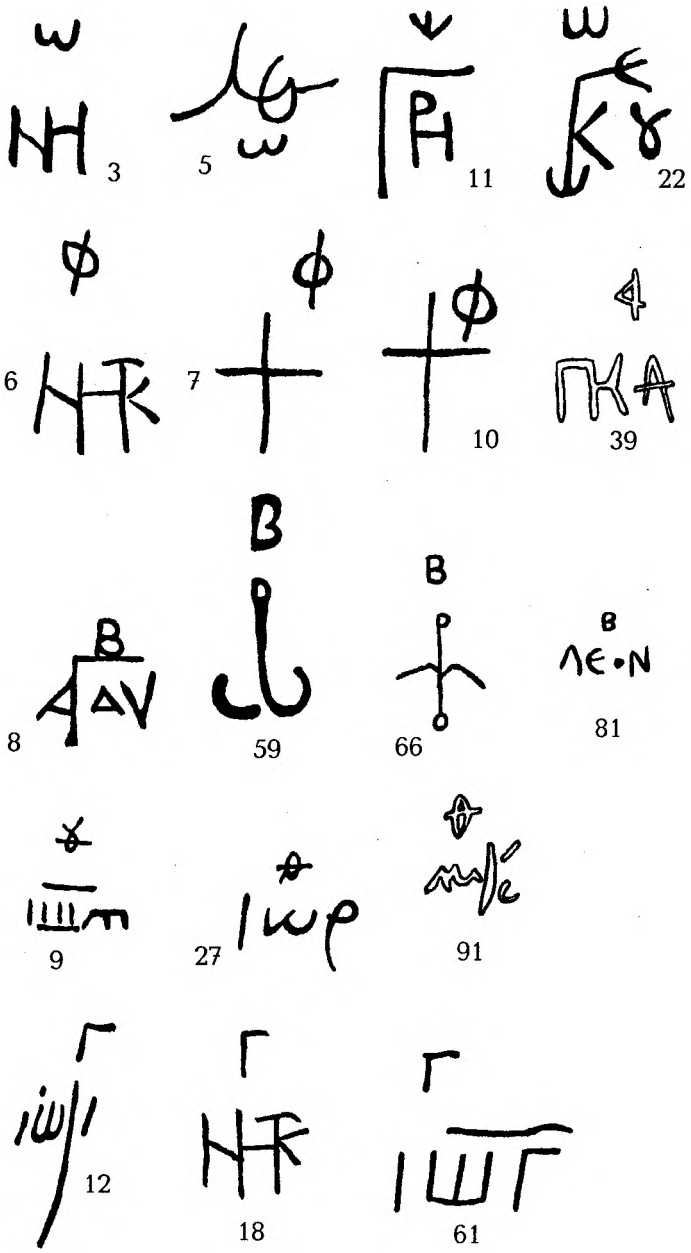

Рис. 5а. Метки-дипинто с однобуквенными надстрочными индексами

легатария определяется 20-й главой «Книги эпарха». Здесь же, в параграфах 1 и 2 рассматривается и положение купцов-экзотов:

«§ 1. Эпарх города назначает легатария, представив его [на утверждение] императору. При этом легатарию вменяется в обязанность докладывать о всех тех, кто приезжает в богоспасаемый град из какой бы то ни было местности и с какими бы то ни было товарами, эпарху, в обязанности которого входит наблюдать за тем, какие они привозят товары, и определять, каким образом эти товары должны быть ими распроданы. Он (легатарий. – *М.С.*[6]) должен устанавливать определенный срок для продажи [привезенных] товаров, чтобы по истечении этого срока привести их (приезжающих. –*М.С.*) к эпарху со списком закупленных ими товаров; при этом он должен наблюдать, чтобы из столицы не было вывезено ничего из того, на что наложен соответствующий запрет.

§ 2. Эпарх города не должен разрешать лицам, приезжающим из других городов с различными товарами, оставаться в столице более чем три месяца, но должен распорядиться, чтобы они в этот срок успели и продать привезенные ими товары, и купить необходимые им, и уехать домой. Если же будут обнаружены лица, пребывающие в столице более положенных трех месяцев, то они должны подвергнуться побоям, острижению волос, конфискации имущества и изгнанию из города.»

Контроль за товарами осуществлялся посредством опечатывания и клеймения. Это следует из ряда прямых указаний «Книги эпарха» – 4,*4*, 6,*4*, 8,*9*, 9,*9*, 12,*9*, 13,*2*. Предназначенные для продажи ткани опечатывались пломбами, пригонявшийся с малоазийского берега скот клеймился. Перевозимая в амфорах сельскохозяйственная продукция принадлежала к основным продуктам питания византийцев, а потому регулирование здесь было одним из самых строгих. Поступавшие на константинопольский рынок амфоры не связанных с Константинополем центров производства по самой природе материала, каким является керамика, не могли быть ни опечатаны, ни проклеймены служащими эпарха. Единственной возможностью отметить содержащийся в них товар, определив таким образом параметры его продаж, было нанести метку краской – яркую и заметную.

Дипинто на амфорах с воронкообразным горлом являются частным примером такого случая. Все они представляют собой автографы осуществивших их постановку лиц. На это может указывать смысл некоторых меток. Часть этих монограмм содержит не только личные имена, но и, по всей видимости, родовые, что весьма сильно подкрепляет высказанное предположение, т.к. для подобного был необходим уже некий социальный минимум. Характерные особенности в начертании меток-дипинто выходят за рамки византийской ве-

[6] Цитируется по переводу М.Я. Сюзюмова [Сюзюмов, 1962, с. 68]

щевой эпиграфики. Способом построения отдельные из них ничем не отличаются от автографов свидетелей и нотариев на актовом материале (основу некоторых меток представляет крест, обычный в подписях что-либо свидетельствующих), а беглый характер многих надписей, наличие среди них лигатур свойственных скорее тексту документа, подтверждает их постановку людьми владевшими *χειρὸς γραφῆ*, искусством письма.

Контрольные функции меток-дипинто на амфорах с воронкообразным горлом очевидны. Эти метки разительно отличны от всех других надписей на амфорах, отличаясь, прежде всего, значительным единообразием нанесения. Обращает внимание их подчеркнуто служебный характер, отсутствие отсылок к широкому контексту, свойственных этого рода материалам – здесь не обнаруживается каких-либо богопризывных либо благопожелательных формул; за исключением одного сомнительного случая нет указаний и на вероятное содержимое сосудов.

Вторым моментом является выдержанность их структуры. Основная часть находок представляет монограмму или буквенное сокращение имени с проставленным над ним буквенным знаком. Только в двух случаях такие буквы можно пытаться интерпретировать как выносные в сокращениях имен – дипинто 1 и 28. Для остальных очевиден иной смысл. Характерным здесь является повторение одних и тех же букв с разными именными основами (рис. 5). На что должен указывать верхний буквенный элемент дипинто неясно. Следует считать их числительными, или другого рода учетными индексами, заключать по имеющемуся материалу сложно. Доступные исследованию корреляции позволяют уточнить сомнительные варианты прочтения именных основ, однако устойчивых взаимозависимостей они не обнаруживают. Серьезным коррелятом в группе, как кажется, выступает только цвет, что хорошо видно на рисунках Р. Деманжеля и Е. Мэмбори. Однако и здесь не обнаруживается совпадений, способных привести к однозначным выводам. Вероятное объяснение этим корреляциям – узкохронологическое, скорее всего такие дипинто имеют непосредственную дату, что понятно ввиду характера формирования манганских комплексов.

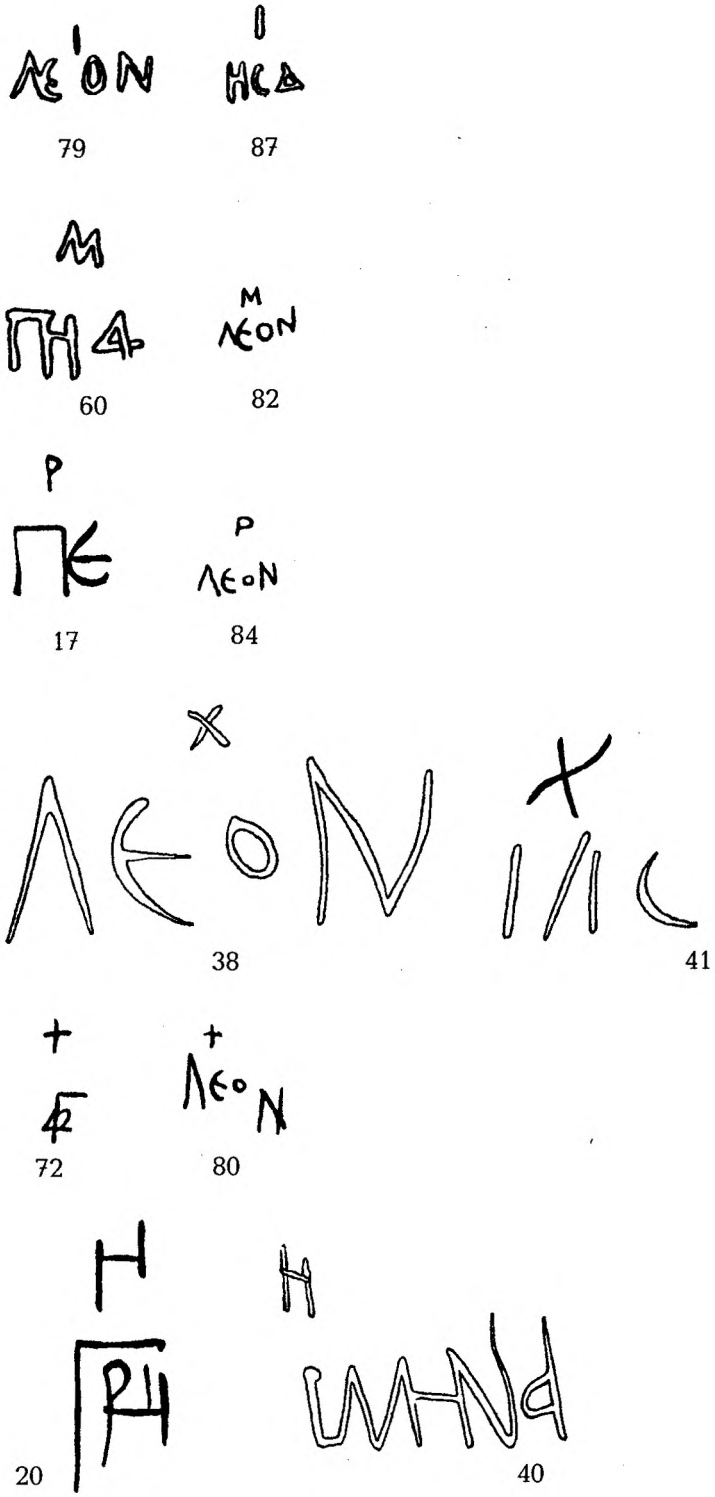

Рис. 5b. Метки-дипинто с однобуквенными надстрочными индексами

Двухэлементная структура дипинто сохраняется и в случае двухбуквенной метки над записью имени (рис. 6). Обращает внимание, что среди двухбуквенных сокращений верхнего ряда нет таких, которые нельзя было бы прочесть в качестве имен. О потенциальной возможности такого прочтения свидетельствует

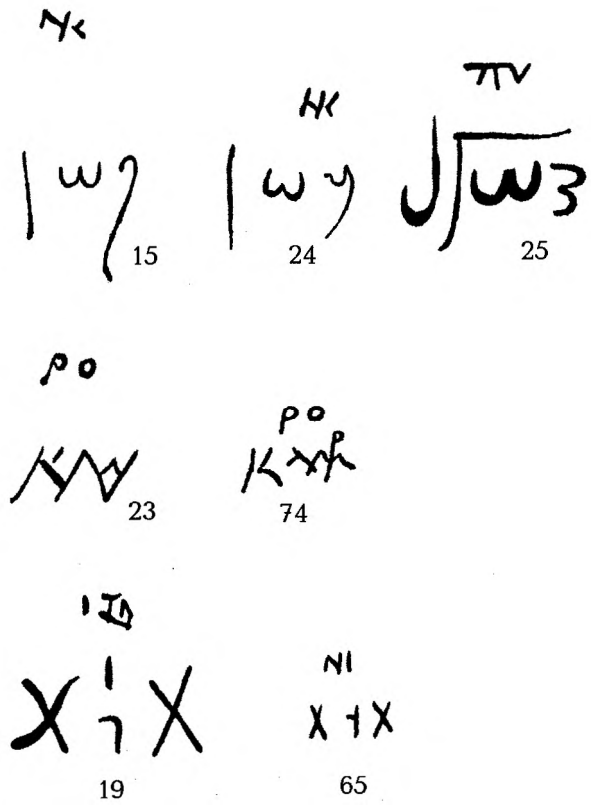

Рис. 6. Метки дипинто с двумя надстрочными выносными символами

дипинто 21, содержащее две именные монограммы – Роман и Георгий. Дипинто 26 содержит буквенные сокращения имен Иоанн и Андрей. Однако версия о техническом назначении двухбуквенных знаков верхнего ряда выглядит все же более приемлемой. В пользу этого свидетельствует их подчиненность в общей структуре надписи, – они обозначены меньшими буквами, а их графика контрастирует с беглым характером записи именной части дипинто. Очевидна также повторяемость двухбуквенных сочетаний с одними и теми же именными основами. Это связывает двухбуквенные знаки с конкретными случаями постановки.

К таким случаям принадлежит и лигатура ПР (рис. 7) – встреченные с нею основы не обнаруживаются в других комбинациях[7]. Она имеет неименной характер и не является числительным. Лигатуры такого вида широко известны по актовому материалу и обозначают приставку *про-* (*προς-*, *προτ-*, *πρωτο-*), обычную в определениях широкого спектра должностей византийского административного аппарата. Формально, наличие этой лигатуры среди помещенных на амфоры дипинто указывает на существование иерархии в надзорной службе, однако не исключено, что именно это обстоятельство дает возможность выяснить конкретных постановщиков дипинто и определить их вероятную функциональность.

Рис. 6. Метки дипинто с надстрочной лигатурой ПР

Следует обратить более пристальное внимание на состав канцелярии эпарха. В количественном отношении ее штат состоял не столько из чиновников, сколько из руководителей и старшин корпораций [Успенский, 1899, с. 99-100] – *προστάται* (*πρωτοστάται*), простатов. Именно их упоминает табель о рангах Филофея двенадцатым разрядом в служебном перечне этой канцелярии [Oikonomides, 1972, p. 113]. Относительно статуса этой должности у историков византийской административной системы нет единого мнения, — неясно, был ли это государственный чиновник в распространенном понимании, или же член корпорации выполнявший административную повинность. На простатов возлагались совершенно определенные функции, согласующиеся с необходимостью постановки меток на прибывающие в город амфоры. Согласно параграфу 1-му 19-й главы ЕВ, «старшины корчмарей должны докладывать эпарху всякий раз, когда привозится вино, чтобы он отдал распоряжение каким образом это вино следует продавать». Подобная обязанность возлагалась и на простатов-старшин других корпораций – мясников, свиноторговцев, рыботорговцев и хлебопеков – именно тех, от кого зависела торговля продуктами массового питания. Можно было бы предположить, что осуществлявшие доклад о поступлении вина старшины оказывались в итоге теми служащими, которые осуществляли постановку меток, ведь именно простаты на всем протяжении «Книги эпарха» характеризуются как лица с исключительной компетенцией. Против этой версии говорит, однако, то, что согласно тем же источникам эта компетенция со всей определенностью направлена лишь на руководимую ими корпорацию. Административный контроль

[7] К неочевидным случаям принадлежат метки с именем Мина. Здесь сохранены лишь остатки надписей, тщательно скопированные рисовальщиком. Фрагментарность не позволяет заключить, все ли они принадлежат этой лигатуре.

над ее деятельностью был главной обязанностью простата – начальствующего, начальника, если следовать буквальному смыслу греческого слова. В этом духе следует прочитывать и процитированный фрагмент. Это смягчает определенность предположения о причастности простатов к постановке меток на сосуды. Тем не менее, продажа вина на городском рынке прямо затрагивала интересы капилов-корчмарей, – согласно «Книге эпарха» именно они выполняли функции виноторговцев в столице, а значит, должны были быть зависимы от системы ее контроля и заинтересованы в ней. Постановка меток могла производиться по докладу простата, либо службы начальника порта (в X-XI вв. также входившего в состав ведомства эпарха) чиновником канцелярии с соответствующей компетенцией. Его ранг мог быть близок к рангу мелких служащих-инспекторов, эпоптов (*επόπται*) занимавших восьмую позицию в служебной иерархии. Однако, возможно, что в каких-то случаях эта обязанность выполнялась и самим простатом – во всем составе низших чинов канцелярии эпарха только его служебное определение имеет приставку *προ-*. Упомянутые пятым разрядом в табели протоканкеларии (*πρωτοκαγκελλάριοι*) не могли быть связаны с постановкой дипинто по своим служебным функциям, хотя контроль за торговыми операциями и вменялся в обязанность одному из них [Oikonomides, 1972, p. 320]. Следует также подчеркнуть, что использование простатов легатарием в качестве осведомителей следует из круга служебных обязанностей обоих.

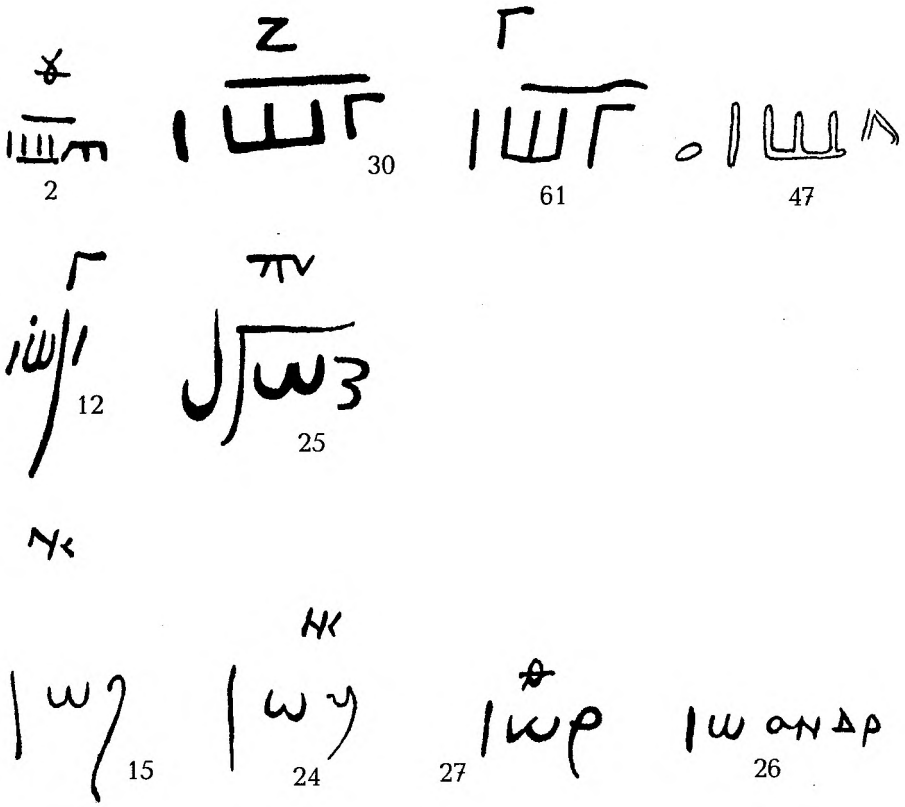

Рис. 8. Запись имени Иоанн

В 19,*1* ЕВ речь идет о контроле со стороны корпорации капилов над внутригородским рынком и о правилах торговли, определяемых городской администрацией для этого рынка. В отношении иногородней торговли в Константинополе администрация препятствовала ее «дроблению». Положение обязывало купцов-экзотов к продаже вина крупными партиями. Законодательному регулированию этого посвящен 7-ой титул 53-й книги Василик, составленной в правление Льва VI одновременно с «Книгой эпарха», которая регулировала городскую розничную и мелкооптовую торговлю. Есть основания полагать, что это положение касалось и другого продукта транспортировавшегося в амфорах — оливкового масла. Василики содержат прямой запрет на его вывоз из Константинополя [Сюзюмов, 1956, с. 64], а «Книга эпарха» запрещает делать его запасы [ЕВ 9,*3*; Сюзюмов, 1962, с. 209], препятствуя возникновению товарного дефицита и повышению цен, как следствию этого. Известно, что повышение цен на основные продукты питания сказывалось всеобщим вздорожанием в столице и нередко приводило к народным волнениям. Не исключено, что благодаря стабильному и невысокому уровню цен на продукты в амфорах, достигавшемуся этими мерами, Константинополь, по свидетельству Никиты Хониата, имел славу «пьяного» города [Сюзюмов, 1962, с. 248].

Исследование, предпринимаемое по уже опубликованным материалам, по понятным причинам ограничено в своих возможностях. В данном случае вторичный характер этих материалов не позволяет привлечь к рассмотрению такие информационно важные детали как почерк постановщика, место постановки, метрические характеристики сосуда. Очевид-

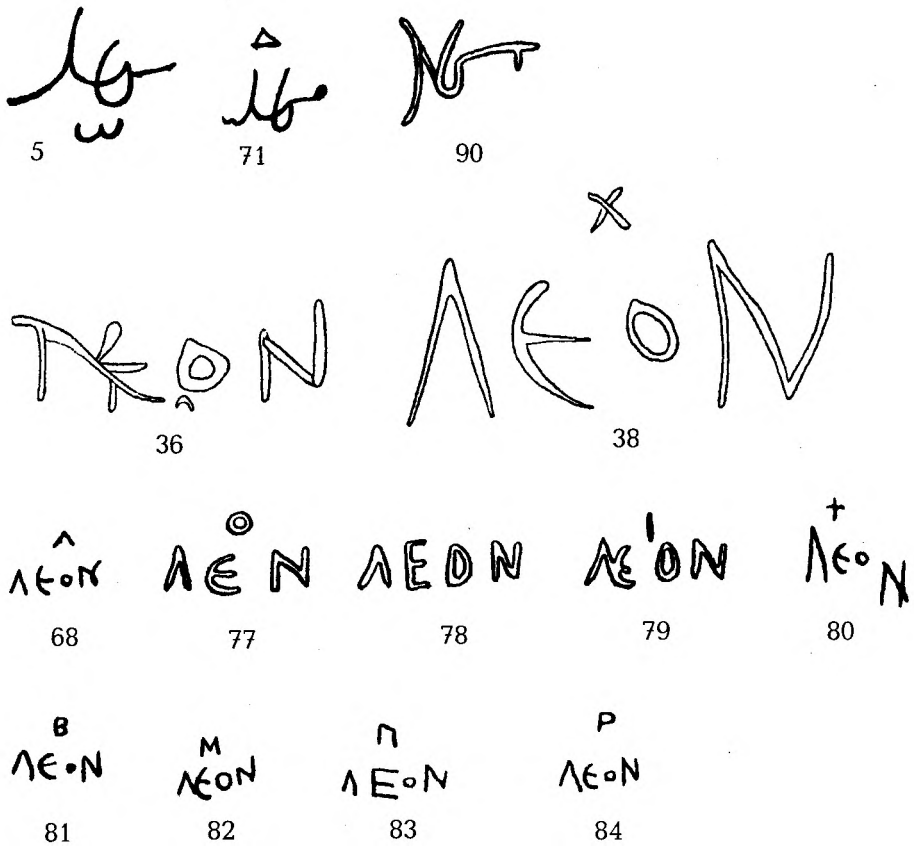

Рис. 8. Запись имени Лев

но, что без рассмотрения этих корреляций выяснение характера функционирования меток-дипинто в системе контроля константинопольского рынка будет в гораздо большей степени предположительным. Любое из восходящих к письменным источникам и в разной степени возможных объяснений уязвимо ввиду неполноты интерпретационного континуума. Совершенно понятно лишь то, что эти метки имели ограничительный характер по отношению к поступавшей в амфорах сельскохозяйственной продукции, ставили пришлых торговцев в свойственные для константинопольского рынка рамки. Что же касается конкретного смысла учетных меток на амфорах, то он мог быть связан с конкретным продуктом – вином, оливковым маслом или насыпным содержимым. Вопрос следует оставить пока открытым. Его разрешение лучше предпринимать на основе непосредственного изучения этой категории находок. Из публикаций Нергис Гюнсенин следует, что материалы манганских раскопок сохранены (по-видимому, частично), а это не исключает возможности изучения комплекса *in visu* в будущем.

Вне пределов византийской столицы метки-дипинто на амфорах XI в. не встречены. Возможно, единственное известное исключение здесь – фрагмент стенки амфоры с воронкообразным горлом из раскопок портового квартала Судака на котором, как кажется, сохранились следы красителя. В случае если бы эта находка подтвердилась обнаружениями собственно дипинто, она могла бы свидетельствовать о том, что продукты перевозимые в амфорах с воронкообразным горлом помимо поступления в регионы из центров непосредственного производства могли поступать туда также и через рынок Константинополя – крупнейшее торговое средоточие средневековья.

Характерной и немаловажной деталью в рассматриваемом контексте является отсутствие клейм на амфорах этого типа. Исключительно редко встречающиеся на них оттиски резко отличны от тех, которые имели подвергавшиеся административному клеймению разновидности — константинопольские сфероемкостные и желтоглиняные амфоры. Клейма сфероемкостных и желтоглиняных амфор представляют основной массив клейменого материала. Доля этих амфор достигает 98% среди общего количества клейм X-XI вв., причем процент желтоглиняных экземпляров не превышает здесь 4%. Принадлежность амфор этих типов одному центру клеймения не в последнюю очередь подтверждается хронологическим и иконографическим тождеством помещенных на них клейм.

Клейма амфор с воронковидным горлом рассматриваемые в этом общем контексте, это, скорее, клейма-метки. К настоящему времени они известны в двух вариантах, представленных тремя образцами – в виде кольцеобразного вдавления у венчика сосуда конца X в. [Зеленко, 1999, с. 224, рис. 1,*2*] и нанесенной до обжига метки в виде разомкнутого овала на плече амфоры второй четверти XI в. [Gunsenin, 1989, p. 272, fig. 5-6; Зеленко, 1999, с. 224, рис. 1,*1*]. Смысл этого клеймения неясен, неясно и то, следует ли связывать его с функционированием административных механизмов конт-

роля. Аналогичные по виду первой находке, кольцеобразные, сделанные до обжига отметки встречаются иногда и на днищах последующей разновидности грушевидных амфор – *амфорах с высокоподнятыми ручками* XII-XIII вв. В этом случае их технический характер, кажется, бесспорен. Сам способ и место клеймения амфор с воронкообразным горлом подражательны по своей природе и следуют обыкновению константинопольской постановки клейм также и хронологически – очень характерно изменение места постановки клейма и увеличение его размера от раннего сосуда к позднему. По всей видимости, здесь следует предполагать явление интерференции.

Изложенное хорошо характеризует природу амфор этого круга. Их поведение в культурных отложениях византийской столицы подтверждает тот факт, что эти сосуды по своему происхождению не должны связываться с округой Константинополя и шире – с производствами концентрировавшимися в области Пропонтиды, в той или иной мере подверженных воздействию столичной администрации. Производившие их мастерские должны были сосредотачиваться вне пределов этой зоны. Для локализации производивших эти амфоры центров первостепенную важность имеет преимущественная география их распространения. Встреченные по всему Восточному Средиземноморью – отдельные находки амфор обнаруживались в Марселе, Южной Италии, Палестине, – главные их находки, тем не менее, концентрируются в черноморском бассейне. По признаку массового распространения грушевидные амфоры являются черноморским типом транспортировочной керамики. Несомненно очень значительное участие грушевидных сосудов в формировании дунайских амфорных комплексов. Точные статистические параметры их поведения в слоях и комплексах этого региона до сих пор остаются неизвестными, однако, самое широкое распространение этих сосудов в рассматриваемый период здесь подтверждается практически всеми исследователями. Такой же характер их распространение имеет для днепровских и других регионов Древней Руси, где грушевидные амфоры – вторая по репрезентативности группа находок. Для XII в. здесь могут быть выделены комплексы их преобладания. Аналогичным образом грушевидные амфоры выражены и в Северном Причерноморье– на нижнем Днепре, в Таврике и Приазовье. Статистическая картина меняется здесь по мере перемещения к востоку этой географической зоны. Участие грушевидных амфор в формировании культурных отложений рассматриваемого времени здесь наиболее заметно. Значительное преобладание грушевидных амфор – факт археологических слоев восточнобережного Крыма и Таманского п-ова. До 75% процентов доходит содержание фрагментов амфор с воронкообразным горлом в комплексах Керчи [Макарова, 1982], сходная картина обнаруживается на археологических комплексах Судака (портовый район) и в слоях Таманского городища. Сосуды этих типов преобладают на Дону, в слоях Саркела XI в. [Артамонова, Плетнева, 1998, с.601]. Еще более показательно преобладание фрагментов грушевидных амфор в слоях транзитных пунктов на сухопутных путях из экономических центров этой зоны на Русь, здесь оно абсолютно. Так, в материалах описанной Константином Багрянородным Крарийской переправы через Днепр (Кичкас) в местах перегрузки караванов, исследованных днепрогэсовскими экспедициями 1927-28 гг., доля фрагментов грушевидных амфор достигает 98%, т.е. они являются здесь единственным статистически значимым типом[8]. Показательно, что в материалах правобережных жилищ древнерусского поселения в районе переправы картина совершенно другая, – среди редких амфорных фрагментов, обнаруженных там, имеются лишь пригодные для использования в быту небольшие по объему сфероемкостные и коричневоглиняные сосуды[9]. В свете характеризующих распространение грушевидных амфор данных именно боспоро-киммерийская часть Северного Причерноморья выглядит крупнейшим контрагентом перевозимых в них продуктов, а также центром их транзита в другие регионы – на Дон и на Русь. Показательно, что преобладание фрагментов грушевидных амфор в слоях Крарийской переправы принадлежит ко времени, когда оно в слоях и комплексах этой зоны становится уже не столь очевидным ввиду распространения бульших по объему амфор с дуговидными ручками.

Представляется необходимым сформулировать следующее. Поведение грушевидных амфор в культурных отложениях византий-

---

[8] НМИУ, коллекция В 4615.

[9] Тип *2ВА* [Булгаков, 2000], — остродонные амфоры малых объемов составом вещества аналогичные *типу IX* по Н. Гюнсенин [Gьnsenin, 1990, p. 37-38, pl. LIX, LXXI, LXXXIV,3-4, LXXXV], *типу 67* по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, p. 76-77, fig. 26,12].

ской столицы требует локализации производившего их центра в зоне неподконтрольной константинопольской администрации. Наиболее вероятной территорией, ввиду географии распространения грушевидных сосудов, является юго-восточная часть византийского Причерноморья, – преобладание фрагментов грушевидных амфор наблюдается в центрах традиционно связанных с южнопонтийскими областями империи. Основным условием концентрации массовых амфорных производств является крупный рынок, испытывающий потребность в самом широком поступлении керамики, предназначенной для морских перевозок сельскохозяйственной продукции. Наиболее крупным региональным торговым средоточием в южной области византийского Причерноморья являлся Трапезунд. Возможно, с функционированием именно этого рынка и следует связывать организацию производства грушевидных амфор в Южном Причерноморье. Показательно, что хронология экономического возвышения этого центра согласуется с археологической датой начального распространения грушевидных сосудов.

В заключение следует отметить, что рассмотренные в статье явления представляют собой частный случай *параллелизма* обнаруживаемого массивами константинопольских сфероемкостных и южнопонтийских грушевидных амфорных находок. Самодовлеющий по характеру параллелизм предопределен общими чертами в организации этих двух наиболее массовых производств. Полное рассмотрения всех вопросов связанных с локализацией затронутых в статье амфорных типов, с функционированием систем контроля, и в итоге с логикой ценоза амфорных производств значительно выходит за заявленные в статье рамки и предполагает подготовку специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. С. 81-101.

Артамонова О.А., Плетнева С.А. 1998. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ, вып. IV. Симферополь. С. 539-624.

Булгаков В.В. 2000. Византийские амфоры IX-XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал, 4(5). (http://eeu-a.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm).

Векслер А.Г., Коваль В.Ю. 1998. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве //РА. №3, С. 163-166.

Векслер А.Г. Новые археологические данные о предградии Московского кремля, (http://www.archi.ru/hist_konference/kremlins/veksler.htm).

Зеленко С.М. 1999. Подводные археологические исследования на Черном море в 1997-99 гг. // Vita Antiqua, №2. С. 223-234.

Макарова Т.И. 1982. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА, №4. С. 91-106.

Панченко М.В. 1999. К вопросу о датировании кочевнических древностей средневековья // Восточноевропейский археологический журнал, 1(1). (http://eeu-a.kiev.ua/journal/011299/panchenko.htm).

Романчук А.И. Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург.

Сюзюмов М.Я. 1956. Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. Т. 11. М.

Сюзюмов М.Я. 1962. Византийская книга эпарха.М.

Успенский Ф.И. 1899. Константинопольский эпарх // ИРАИК. Т.4. София. С. 79-104.

Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Demangel R., Mamboury E. 1939. Les quartier des Manganes et la premier region de Constantinople. Paris.

Heyes J.W. 1992. Amphorae // Excavations at Sarashane in Istanbul. Vol. 2. Princeton. P. 61-79.

Gьnsenin N. 1989.Recherches sur les amphores byzantines dans les musйes turcs // BCH Suppl.XVIII. P. 267-276.

Gьnsenin N. 1990. Les amphores byzantines (XeXIIIe siecles). Typology, production, circulation d'apre les collections turques. Paris.

Das Eparchenbuch Leons des Weisen/Einfuerung, edition, uebersetzung und indices von Johannes Koder. 1991. Wien.

Oikonomides N. 1972. Les listes de preseanse Byzantines des IX et X siecles. Paris.

V. Bulgakov

SIGNES-DIPINTO ON BYZANTINE AMPHORAE OF XI CENTURY A.D.

Summary

The article analyses signes-dipinto found in Constantinople in district Gulhane and published in study by R. Demangel and E. Membory in 1939. The article points to non-Constantinople origin of amphorae with signes-dipinto. Their presence on such amphorae connected with restrictions for foreign goods on Constantinople market. The author proves south-ponto origin of amphorae with signes-dipinto and possible their connection with Trebizond. The author discusses the possibility of administrative control over agricultural products coming in amphorae on Conatantinople market.